

АЙЗЕК
АЗИМОВ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

ISAAC
ASIMOV
FOUNDATION'S
EDGE

FOUNDATION
AND EARTH

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
ТАСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
И
Я
Я
Я

АЙЗЕК АЗИМОВ

АКАДЕМИЯ
И ЗЕМЛЯ

Москва
2022

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
А 35

Isaac Asimov

FOUNDATION'S EDGE

Copyright © 1982 by Isaac Asimov

FOUNDATION AND EARTH

Copyright © 1986 by Isaac Asimov

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Азимов А.

А 35 Академия и Земля / Айзек Азимов ; [пер. с англ. Н. А. Сосновской]. — М. : Эксмо, 2022. — 928 с.

ISBN 978-5-699-71077-5

Ученый Гэри Селдон, основатель новой науки — психоистории, в своих работах доказал неизбежность краха Галактической империи, объединявшей миллионы обитаемых миров. Чтобы не допустить падения человечества в пучину надвигающегося хаоса, Селдон разработал детальный план рождения новой Империи на обломках старой. Для осуществления своего Плана Селдон создал в разных концах Галактики две Академии, объединившие лучшие умы человечества. Казалось, ничто не могло помешать осуществлению великого Плана Селдона, но людские амбиции привели к конфликту между Академиями, и человечество вновь оказалось на краю пропасти...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-699-71077-5

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

АКАДЕМИЯ
НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Пролог

Гибель Первой Галактической Империи была неотвратима. Ее медленный распад и загнивание тянулись уже не одно столетие. Но только один-единственный человек знал об этом наверняка.

Звали его Гэри Селдон. Он был последним из величайших ученых Первой Империи. Именно ему принадлежит честь создания науки о поведении человека, науки, сведенной к математическим уравнениям.

Поведение отдельного человека непредсказуемо, но, как обнаружил Селдон, статистической обработке вполне поддаются реакции человеческих сообществ. И чем выше численность сообщества, тем точнее статистика. Свои исследования Селдон основывал на реакциях сообществ, численность которых составляла не менее населения всех обитаемых миллионов миров Галактики.

Выведенные Селдоном формулы показали ему, что, будучи оставленной на произвол судьбы, Галактическая Империя погибнет и пройдет тридцать тысячелетий страданий и агонии, прежде чем на руинах Первой родится Вторая Империя. Однако, решил он, если изменить некоторые условия, период Межвластия можно сократить до одного тысячелетия.

Для того чтобы это произошло, Селдон основал два поселения ученых, названных им Академиями, и произвольно расположил их «на противоположных концах Галактики». Первая Академия, деятельность которой была сосредоточена на развитии физических наук, была основана открыто, публично. Основание

же другой, Второй Академии, мира психоисторической и «ментальной» науки, совершилось тайно.

В трилогии «Академия» описываются события, происходившие в течение первых трех столетий Межвластия. Первая Академия (чаще упоминаемая просто как «Академия», ведь о существовании Второй долго никто не догадывался) начала свое бытие как скромная колония-поселение, затерянное в пустотах Внешней Периферии Галактики. Время от времени Академия сталкивалась с кризисами, каждый из которых характеризовался разнообразными вариантами поведения людей и различными политическими и экономическими тенденциями того времени. Свобода действий, свобода выбора была ограничена определенной, одной-единственной линией, и, когда Академия делала очередной шаг в этом направлении, перед ней открывались новые горизонты. Все это было спланировано Гэри Селдоном, который к тому времени уже давно покоился в мире.

Первая Академия, располагая новейшими достижениями науки, одолела окружавшие ее варварские планеты. Ей пришлось поочередно вступать в схватку то с анархистами, то с отколовшимися от погибающей Империи диктаторами, и победа была всегда на ее стороне. На долю Академии выпала и битва с останками самой Империи, которыми правил последний из могущественных Императоров. Армией Империи командовал последний из великих военачальников, но Академия и в этой схватке одержала победу.

Казалось, будто План Селдона выполняется, как задумано, что ничто не может помешать созданию Второй Империи в предсказанный срок — за одно тысячелетие.

Однако психоистория — наука сугубо статистическая. И всегда существует вероятность непредсказуемого поворота событий. И случилось то, что Гэри Селдон лишен был возможности предсказать. Неизвестно откуда появился человек по кличке Мул. Он обладал ментальными способностями, которых больше ни у кого в Галактике не было. Он был способен управлять людскими эмоциями, манипулировать умами так, что превращал самых злейших своих врагов в послушных, обезволенных рабов, а

то и в ярых приверженцев. Целые армии не могли одолеть его одного. Первая Академия пала, и казалось — План Селдона никогда не возродится.

Но существовала таинственная Вторая Академия — застигнутая врасплох неожиданным появлением Мула на исторической сцене, она вскоре приступила к постепенному разворачиванию контратаки. Главное средство защиты Второй Академии заключалось в том, что ее местонахождение оставалось тайной за семью печатями. Мул жаждал сразить ее, чтобы целиком и полностью обрести власть над Галактикой. Люди из Первой Академии, верившие в существование Второй, искали ее, чтобы обрести помощь и поддержку.

Найти ее никому не было суждено. Мул был недалек от успеха, но его остановил героический подвиг женщины, Байты Дарелл, что дало Второй Академии время подготовиться к решающему контрудару и остановить Мула навсегда. Постепенно Вторая Академия подготовилась и к воссозданию Плана Селдона.

Однако эти события в некоторой степени раскрыли тайну существования Второй Академии. Узнав о ее сущности, Первая Академия воспротивилась будущему, в котором за ней наблюдали бы и которое для нее предопределяли бы психологи из Второй Академии. Первая Академия превосходила Вторую военной мощью, поэтому задача Второй Академии усложнилась вдвое — ей нужно было не только приструнить Первую Академию, но и восстановить свою анонимность.

И это ей удалось под руководством величайшего «Первого Оратора», Прима Пальвера. Первой Академии было позволено одержать мнимую победу, ее влияние и могущество в Галактике росло, она жила и процветала, не подозревая о том, что Вторая Академия продолжает не только существовать, но и действовать.

Итак, минуло четыреста девяносто восемь лет после создания Первой Академии. Она — на вершине могущества. Все уверены в этом, кроме одного человека...

Глава 1

Советник

1

— Нет, не верю, — решительно произнес Голан Тревайз, стоя на широкой лестнице Селдон-Холла и глядя на город, озаренный лучами теплого, ласкового солнца.

Климат Терминуса издавна славился мягкостью. Площадь суши на планете значительно уступала площади водной поверхности, а внедрение системы искусственного кондиционирования способствовало еще большему сглаживанию погодных условий и, как частенько думал Тревайз, начисто лишило его какой бы то ни было экзотики.

— Ничему не верю, — повторил он, и улыбка промелькнула на его моложавом загорелом лице.

Его спутник Мунн Ли Компор — Советник, как и сам Тревайз, — носивший тройное имя вопреки давно установившимся на Терминусе традициям, недоуменно пожал плечами:

— Чему же ты не веришь? Тому, что мы спасли город?

— О, в это я верю на все сто. Спасли, спасли, и Селдон лично подтвердил, что мы это сделаем, и что это правильно, и что ему про это было все известно аж пятьсот лет назад.

Компор перешел на полусшепот:

— Слушай, Голан, я не против, со мной можешь вести такие речи — мне-то что, но, если тебе взбредет в голову орать такое толпам народу, честно говоря, не хотелось бы стоять с тобой рядом, когда ударит молния. Как знать, в кого из нас она угодит.

— А что я такого сказал? — невинно поинтересовался Тревайз. — Мы спасли город, сказал я. Что в этом крамольного? Да еще и без войны обошлось — просто красота.

— А воевать было не с кем, — парировал Компор, слегка сощутив небесно-голубые глаза.

Как и имя, внешность у него была на редкость несовременная: светлые глаза, соломенно-желтые вьющиеся волосы. Порой ему жутко хотелось выглядеть иначе.

— А о гражданской войне ты не слыхал, Компор? — спросил Тревайз.

Он был строен и высок, темные волосы его едва заметно завивались. Руки его по обыкновению были засунуты в кармашки мягкой поясной сумки — сумок таких у него был целый набор, и он никогда и нигде не появлялся без этого неотъемлемого, почти ритуального аксессуара.

— Гражданская война по поводу местоположения столицы? Смешно.

— Не сказал бы. Вопрос оказался достаточно серьезным для того, чтобы разразился очередной селдоновский кризис. Политическая карьера Хенниса полетела в тартарары, мы с тобой были избраны в Совет, и вопрос, так сказать, повис в воздухе...

Он медленно, плавно покачал рукой, как маятником, готовым вот-вот остановиться.

Мимо приятелей по ступеням лестницы спускались члены правительства, корреспонденты, представители высшего света — все, кто откликнулся на приглашение засвидетельствовать очередное явление Селдона (точнее, его изображения). Кто-то болтал, кто-то довольно смеялся, кто-то выражал неподдельный восторг по поводу одобрительных высказываний Селдона.

Тревайз упрямо стоял на месте, позволяя веселой толпе огибать себя. Компор, успевший спуститься на две ступени ниже, тоже остановился. Казалось, между ними протянулась невидимая нить.

— Ты идешь или нет? — не оборачиваясь, спросил Компор.

— Торопиться некуда. Заседание Совета не начнется, пока Мэр Бранно не изучит ситуацию и не изложит ее по своему обыкновению — по слогам, через час по чайной ложке. А я не жажду выслушивать очередную напыщенную речь. Лучше взгляни на город!

— Вижу. И вчера видел.

— Да, но разве ты видел его пятьсот лет назад, когда он был основан?

— Четыреста девяносто восемь лет назад, — автоматически уточнил Компор. — Через два года — пятисотлетний юбилей, и к тому времени Мэр Бранно все еще будет у власти, противостоя событиями невысокой степени вероятности, как мы все надемся.

— «Как мы все надеемся»... — сухо повторил Тревайз. — И все же, каков он был пятьсот лет назад? Один-единственный город на планете! Маленькое поселение, где жила горстка ученых, готовивших к изданию Энциклопедию, которая так никогда и не вышла в свет.

— О чем ты? Энциклопедия была издана, в этом нет сомнений.

— А ты о чем? О той Галактической Энциклопедии, которой мы располагаем сейчас? То, что имеем мы, — это совсем не то, над чем работали они. У нас теперь все данные введены в компьютер и ежедневно подвергаются пересмотру. А неоконченный оригинал ты когда-нибудь видел?

— Тот, что в Музее Гардина?

— Тот, что находится в Музее Первоисточников имени Сальвора Гардина. Если уж ты так любишь точность, давай употреблять полные названия. Ну так видел ты оригинал или нет?

— Нет. А что, стоило посмотреть?

— Да нет. Не стоило. Но тем не менее все было именно так: ничтожная горстка Энциклопедистов — ядро города, одного маленького города, практически лишённого металлов, на планете, обращаемой вокруг солнца, отдаленного от остальной Галактики: на окраине, на самом ее краю. А теперь — пасторальный мир, один сплошной парк куда ни глянь, и у нас есть все металлы, какие душе угодно. Теперь мы — центр всего на свете!

— Не совсем, — не согласился Компор. — Мы по-прежнему обращаемся вокруг солнца, отдаленного от всей Галактики. И мы по-прежнему на самом ее краю.

— Ну нет, это ты брякнул не подумав. В этом-то как раз и заключается смысл теперешнего маленького селдоновского кризиса. Мы теперь — не крошечный мир Терминуса. Мы — Академия, протянувшая свои щупальца по всей Галактике и управляющая ею отсюда, с самого края. Мы способны на это потому, что больше не пребываем в изоляции — разве что в географическом смысле, а это не считается.

— Ладно. Согласен.

Компору был явно неинтересен этот разговор, и он шагнул еще на одну ступеньку вниз. Невидимая ниточка между приятелями слегка натянулась.

Тревайз выбросил вперед руку, будто пытался вернуть товарища назад.

— Разве ты не видишь разницы, Компор? Изменения колоссальны, но мы не желаем этого замечать. В душе мы хотим, чтобы по-прежнему была маленькая Академия, маленький мир, живущий сам по себе, внутри себя самого, как встарь — в дни негсибаемых героев и благородных святых, которые ушли навсегда.

— Ну и что?

— То самое. Ты на Селдон-Холл погляди. Начнем с того, что во времена первых кризисов, в дни правления Гардина существовал всего-навсего Склеп Селдона — маленькая аудитория, где появлялось голографическое изображение Селдона. И все. Теперь же это — грандиозный мавзолей. Но где тут силовое подъемное поле? Или спуск? Гравитационный лифт, на худой конец? Ничего нет — только эта лестница, и мы спускаемся и поднимаемся по ней точно так же, как спускался и поднимался Гардин. В странные, непредсказуемые времена мы в страхе цепляемся за прошлое.

Он страстно взмахнул рукой.

— Попробуй отыскать в постройке хоть какие-то признаки наличия металлов! Нет их. И тут быть их не может, потому что во времена Гардина здесь не было ни крошки природных металлов, да и импорт был с гилькин нос. Нет, когда воздвигли этот колосс, раздобыли где-то старинный пластик, порозовевший от времени, чтобы гости из других миров могли всплес-

нуть руками и воскликнуть: «Ах, какой чудный, восхитительный старинный пластик!» Говорю тебе, Компор, это чистойшей воды самообман.

— Значит, именно в это ты не веришь? В Селдон-Холл?

— И во все его содержимое, — яростным шепотом проговорил Тревайз. — Действительно — не верю в то, что мы обязаны таиться здесь, на краю Галактики, только потому, что так жили наши предки. Я считаю, что мы должны быть там, в центре, в сердцевине!

— Но сам Селдон перечит тебе. План Селдона выполняется и должен выполняться.

— Знаю! Знаю! Каждый младенец на Терминусе с колыбели верит в то, что Гэри Селдон придумал План, что он все предвидел и предсказал пятьсот лет назад, что все наши кризисы предопределены, что его голографический образ будет являться нам всякий раз, как разрешится очередной кризис, и сообщать тот необходимый минимум информации, что поможет нам жить до следующего кризиса, и, таким образом, План проведет нас через тысячелетие, по истечении которого мы сможем без хлопот создать Вторую, Великую Галактическую Империю на руинах старой, погибшей формации, распад которой во всей красе начался пять веков назад и два века назад благополучно завершился.

— Мне-то зачем рассказываешь все это, Голан?

— Затем, чтобы ты понял, что все это — притворство и самообман. Все — обман. Вернее, это стало обманом **теперь!** Мы сами себе не хозяева. Это не **мы** выполняем План.

Компор более внимательно взглянул на приятеля.

— Слышал от тебя и раньше подобные речи, Голан, но мне всегда казалось, что ты несешь околесицу только для того, чтобы позлить, подразнить меня. Но теперь, черт подери, мне кажется, ты говоришь всерьез.

— Конечно, всерьез.

— Не может быть. Либо это какая-то чересчур забористая шутка, мне не понять, либо ты сошел с ума.

— Ни то ни другое, — возразил Тревайз, ставший вдруг совершенно спокойным, и сунул руки в любимую сумку — видимо, жестикуляция больше не требовалась ему для выражения эмоций. — Да, я подумывал обо всем этом и раньше, но все было на уровне интуиции. Сегодняшний же утренний фарс, однако, мне все прояснил окончательно. Ну а я, в свою очередь, намерен все объяснить Совету.

— Нет, — прошептал Компор, — ты действительно сошел с ума!

— Брось. Пошли послушаешь.

Они вместе пошли вниз по лестнице. Только они двое там и остались — остальные давно ушли. И когда Тревайз немного обогнал приятеля, губы Компора дрогнули, и он беззвучно проговорил, глядя в спину Тревайза:

— Дурак!

2

Мэр Харла Бранно открыла заседание Исполнительного Совета, призвав собравшихся к порядку. Взгляд ее без видимого интереса скользил по лицам Советников, однако никто ни на мгновение не сомневался, что она отметила для себя, кто присутствует, а кто запаздывает.

Ее седые волосы были тщательно уложены в прическу, которая не была выражено женственной, но все же не напоминала мужскую стрижку. **Ее** прическа — не более того. Лицо ее красотой не блистало, но, собственно говоря, никому и в голову не приходило подумать об этом.

Харла Бранно была выдающимся руководителем. Конечно, ей было далеко до блистательности Сальвора Гардина или Хобера Мэллоу, чьи жизненный путь и карьера стали символами первых двух столетий существования Академии, но никто не посмел бы обвинить ее в непроходимой тупости представителей династии Индбуров — правителей Академии во времена перед воцарением Мула.

Ораторские способности ее не потрясали слушателей, не слыла она и природной актрисой, но зато обладала талан-